

берет начало со второй половины XX в., когда решением Верховного Суда США было сформулировано знаменитое правило Миранды (разъяснение задержанному его прав сотрудниками полиции).

Поскольку реализация указанной меры предусматривает существенное ограничение прав и свобод гражданина, порядок ее применения должен быть четко и однозначно регламентирован в национальном законодательстве, в том числе с учетом требований, диктуемых международным правом.

Задержание как мера уголовно-процессуального принуждения в целом и задержание по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления в частности достаточно часто подвергаются теоретическому осмыслению в трудах ученых-процессуалистов.

Между тем, несмотря на значимость проведенных исследований, отдельные аспекты практической реализации рассматриваемого института имеют ряд проблем, требующих проведения комплексного теоретико-прикладного исследования. Представляется целесообразным выделить два основных вектора, которые требуют законодательного совершенствования:

1) возникновение у правоприменителей затруднений в определении подходящего основания задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления (неверно указанное основание в процессуальном документе может повлечь за собой признание задержания незаконным);

2) отсутствие четкой процедуры предоставления задержанному права на защиту.

Подвергая анализу первую проблему, следует отметить, что основания задержания, закрепленные в п. 1–3 ч. 1 ст. 108 УПК, отражают так называемые жизненные обстоятельства, т. е. раскрывают реальные последствия совершения преступления (лицо застигнуто при совершении общественно опасного деяния, на него укажут очевидцы происшествия либо на лице, при нем имеются явные следы, указывающие на его причастность, и т. д.). П. 4 ч. 1 указанной статьи предусматривает возможность задержания лица, если имеются другие достаточные основания подозревать его в совершении преступления при условии, что оно пыталось скрыться с места преступления или от органа уголовного преследования, или не имеет постоянного места жительства, или проживает в другой местности, или не установлена его личность. Содержание указанных оснований позволяет констатировать, что в отдельных случаях их использование достаточно затруднительно. Так, при осуществлении задержания лиц, совершивших отдельные экономические преступления, преступления в сфере высоких технологий и т. п., выявлению и документированию которых предшествует комплекс следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий (в том числе ограничивающих конституционные права человека), часто трудно обнаружить среди предусмотренных в уголовно-процессуальном законе оснований для задержания подходящее к складывающейся следственной ситуации.

Вторая проблема обусловлена тем, что в соответствии с ч. 4 ст. 44 УПК защитник участвует в производстве по уголовному делу с момента вынесения в отношении лица постановления о возбуждении уголовного дела, а также с момента фактического задержания. Однако согласно ч. 1 ст. 110 УПК немедленно после доставления задержанного в орган уголовного преследования должностным лицом, осуществившим фактическое задержание, составляется протокол, который в последующем объявляется задержанному и при этом разъясняются предусмотренные ст. 41 УПК права, в том числе право пригласить защитника. Из содержания указанных норм следует, что возникновение права на защиту у задержанного лица возникает в различное время, что может являться поводом несоблюдения ст. 17 УПК.

Природа возникновения изложенных проблем отчасти объясняется наличием несовершенства норм уголовно-процессуального закона, регламентирующих основания, условия, процессуальный порядок задержания по непосредственно возникшему подозрению в совершении преступления.

Обозначенные проблемы влекут за собой ряд последствий негативного характера в деятельности должностных лиц органов уголовного преследования, которые не обеспечивают должным образом процессуальные гарантии, предусмотренные УПК. Как следствие, уголовно-процессуальная деятельность реализуется с нарушением законодательства, что приводит к ограничению конституционных прав граждан.

Полагаем, что совершенствование исследуемой меры уголовно-процессуального принуждения позволит повысить эффективность ее законодательной регламентации и практической реализации.

УДК 343.12

И.А. Ретюнских

ПРИЗНАНИЕ ЮРИДИЧЕСКОГО ЛИЦА В КАЧЕСТВЕ ПОТЕРПЕВШЕГО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ (НА ПРИМЕРЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ)

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь одним из основных участников уголовно-процессуальной деятельности признает потерпевшего. Примечательно, что уголовно-процессуальный закон Республики Беларусь относит потерпевшего к участникам уголовного процесса, защищающим свои или представляемые права и интересы (гл. 6 УПК).

В отличие от законодательства Республики Беларусь Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации причисляет потерпевшего к участникам со стороны обвинения наравне с такими государственными органами и должностными лицами, как прокурор, следователь, руководитель следственного органа, орган дознания, дознаватель и др., что нецелесообразно ввиду разного функционального назначения указанных лиц.

Обращаясь к тексту УПК Республики Беларусь, очевидно, что подход к пониманию потерпевшего остался традиционным. По смыслу ст. 49 УПК Республики Беларусь потерпевшим признается физическое лицо, которому причинен физический, имущественный или моральный вред. Таким образом, потерпевшим может быть только физическое лицо, пострадавшее от преступления.

В этом отношении интересен опыт российского законодателя. УПК РФ расширил субъектный состав лиц, признаваемых потерпевшими по уголовному делу, отнеся к их числу также и юридических лиц.

Согласно ст. 42 УПК РФ юридическое лицо является потерпевшим, если в результате совершения преступления причинен вред его имуществу и деловой репутации.

Юридическим лицом признается организация, которая имеет обособленное имущество и отвечает им по своим обязательствам, может от своего имени приобретать и осуществлять гражданские права и нести гражданские обязанности, быть истцом и ответчиком в суде (п. 1 ст. 48 ГК РФ).

Интересно решается вопрос о возбуждении уголовных дел экономической направленности. В УПК РФ установлен особый порядок возбуждения уголовных дел о преступлениях, в результате которых причинен вред юридическому лицу. Ч. 3 ст. 20 УПК РФ относит уголовные дела о мошенничестве (ч. 1–4 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6 УК РФ), присвоении или растрате (ст. 160 УК РФ), причинении имущественного ущерба путем обмана или злоупотребления доверием (ст. 165 УК РФ), незаконное получение кредита (ч. 1 ст. 176 УК РФ) и ряд других к делам частного-публичного обвинения, которые возбуждаются только по заявлению потерпевшего при условии, что вред нанесен интересам коммерческой организации. Если указанными преступлениями вред причинен интересам государственного или муниципального унитарного предприятия, государственной корпорации, государственной компании, коммерческой организации с участием в уставном (складочном) капитале (паевом фонде) государства или муниципального образования либо если предметом преступления явилось государственное или муниципальное имущество, то уголовное дело возбуждается в публичном порядке, т. е. заявления потерпевшего не требуется.

Таким образом, решая вопрос о возбуждении уголовного дела, необходимо установить, что преступления, подпадающие под признаки ч. 1–4 ст. 159, ст. 159.1–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, ч. 1 ст. 176, ст. 177, 180, 185.1, ч. 1 ст. 201 УК РФ, совершены индивидуальным предпринимателем либо членом органа управления коммерческой организации в связи с осуществлением экономической или предпринимательской деятельности. При этом в абзаце втором п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» разъясняется, что к членам органа управления коммерческой организации относятся, в частности, член совета директоров (наблюдательного совета) или член коллегиального исполнительного органа коммерческой организации (например, правления акционерного общества), лицо, выполняющее функции единоличного исполнительного органа (директор, генеральный директор, председатель производственного кооператива и т. п.).

По смыслу уголовно-процессуального закона в случаях, предусмотренных ч. 3 ст. 20 УПК РФ, когда потерпевшим является коммерческая организация, уголовные дела о преступлениях, предусмотренных ст. 159–159.3, 159.5, 159.6, 160, 165, ч. 1 ст. 176, ст. 177, 180, 185.1, ч. 1 ст. 201 УК РФ, возбуждаются по заявлению лица, являющегося в соответствии с уставом организации ее единоличным руководителем (лицом, выполняющим функции единоличного исполнительного органа) или руководителем коллегиального исполнительного органа (например, председателем правления акционерного общества), либо лица, уполномоченного руководителем коммерческой организации представлять ее интересы в уголовном судопроизводстве в соответствии с ч. 9 ст. 42 УПК РФ. Если в совершении указанных преступлений подозревается руководитель коммерческой организации, уголовное дело может быть возбуждено по заявлению органа управления организации, в компетенцию которого в соответствии с уставом входит избрание, назначение руководителя и (или) прекращение его полномочий (например, совета директоров), либо лица, уполномоченного этим органом обратиться с таким заявлением.

Таким образом, от имени юридического лица заявление о преступлении вправе подать руководитель организации, если он выполняет функции единоличного исполнительного органа, т. е. ее непосредственный руководитель (директор, генеральный директор, президент, председатель и т. п.). Он может быть выборным или назначенным.

Руководителю юридического лица для подтверждения его статуса и полномочий потребуется: выписка из Единого государственного реестра юридических лиц, где он указан как лицо, действующее от имени организации без доверенности (подп. «л» п. 1 ст. 5 Федерального закона Российской Федерации от 8 августа 2001 г. № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей»); учредительный документ; свидетельство о постановке на учет в налоговом органе по месту его нахождения; документ, подтверждающий назначение руководителя на должность (например, протокол общего собрания участников, на котором он был избран); паспорт или иной удостоверяющий личность документ; документы, подтверждающие право руководителя вести в суде конкретное дело, если полномочия единоличного исполнительного органа ограничены уставом (это возможно в силу п. 1 ст. 53 ГК РФ); договор аренды (по необходимости).

Таким образом, в соответствии с УПК РФ потерпевший, являясь юридическим лицом, имеет в уголовном процессе свои собственные интересы, для защиты которых он в качестве участника уголовного судопроизводства со стороны обвинения наделен правами стороны (п. 2 постановления Пленума Верховного Суда от 29 июня 2010 г. № 17 «О практике применения судами норм, регламентирующих участие потерпевшего в уголовном судопроизводстве»).

УДК 343.98

Р.М. Поном

КОМПЕТЕНЦИЯ КАК КРИТЕРИЙ ОЦЕНКИ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ДЕФЕКТОВ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СУДЕБНОГО ЭКСПЕРТА

Одним из определяющих аспектов процессуального статуса судебного эксперта как участника уголовного процесса является его компетенция, обусловленная совокупностью прав, обязанностей и полномочий, закрепленных нормативными правовыми актами, а также теми специальными знаниями в науке, технике, искусстве, ремесле и иных сферах деятельности,